

Мальчишка перешил свой камуфляж в жилетку без рукавов, да и среди окружающих людей нередко можно было встретить кого-то в форме — в конце концов, многие покидали дома в такой спешке, что не успели захватить с собой ничего.

Лу Синчжао обвел взглядом толпу и спокойно произнес:

— Отдавайте всё, что взяли. И еще коробку из-под лапши быстрого приготовления, в ней...

Мужчина средних лет насмешливо фыркнул:

— Тебе-то какое дело? Понаехали тут, попрошайки...

Лу Синчжао сделал шаг вперед, и собеседник тут же осекся, испуганно попятившись:

— Не подходи! Предупреждаю, я знаю, что избиение гражданских лиц — это грубейшее нарушение дисциплины!

На мгновение воцарилась тишина, а затем раздался негромкий, невнятный голос:

— Извинись. Немедленно извинись, и я, может быть, подумаю, стоит ли тебя прощать.

Мужчина долго озибался, пока не понял, что говорит Хуай Линь, прятаясь за спиной Лу Синчжао. Ободрившись, он расхохотался:

— Еще чего? Сами же у нас столько всего забрали, совесть есть вообще?

Хуай Линь мелкими шажками вышел из-за спины Лу Синчжао. Под прицелом столько глаз его голос звучал чуть тише:

— Мне плевать на остальное, но ты оскорбил моего брата.

Мужчина не мог тягаться с аурой Лу Синчжао, но перед хрупким Хуай Линем чувствовал себя хозяином положения. Он подошел вплотную и, глядя на мальчишку сверху вниз, ткнул его пальцем в нос:

— Ты...

Не успел он закончить слово, как у него перед глазами мелькнула тень. Хуай Линь ловко и решительно ударил его коленом в подколенный сгиб.

Мужчина невольно подогнул ногу и тут же оказался в руках Хуай Линя. Почувствовав ледяной холод у самого подбородка, он понял, что к его горлу приставлено какое-то острое оружие. Хотя он не видел, что именно, но ощутил, как кожа была прорезана, и горячая кровь потекла по шее. Его охватил ужас, дыхание сбилось.

Это был скрытый клинок.

Хуай Линь изготовил его еще до начала апокалипсиса, скопировав оружие из игры Assassin's Creed. В обычном состоянии десятисантиметровое лезвие пряталось в полуметаллическом наруче, но при нажатии на механизм оно мгновенно выбрасывалось и фиксировалось. При необходимости на него можно было нанести нервно-паралитический яд VX.

Многие мастера-самоучки ради интереса пытались создавать крутое снаряжение из игр, и Хуай Линь был одним из них. Это не было самым опасным его изобретением — он умел собирать даже пистолеты, — но, безусловно, самым незаметным орудием убийства.

Сейчас Хуай Линь одной рукой удерживал мужчину за подбородок, и кончик клинка уже вошел в кожу на несколько миллиметров. Еще чуть-чуть — и противник был бы мертв.

Это была его самая привычная поза. В бою с зомби идеальный угол для удара холодным оружием — снизу вверх, прямо в подбородок, чтобы пробить череп. Этот прием Хуай Линь отточил до автоматизма.

Он двигался так быстро, что даже Лу Синчжао был удивлен.

— Извиняйся, — сказал Хуай Линь.

Голос его был тихим, словно он стеснялся такого количества зрителей, но тон был тверд и лишен сомнений:

— Извинись перед моим братом, иначе я тебя убью. Хочешь попробовать умереть?

Мужчина от страха задрожал, опустившись на колени, и захрипел, почти плача:

— Я... я... помогите... спасите меня!

Он взывал к окружающим, но те лишь испуганно отступили на несколько шагов. Тогда он бросил умоляющий взгляд на солдата, но тот лишь холодно встретил его глаза.

Вскоре к месту стычки, привлеченный шумом, подоспел Цзи Чэнь со своими людьми:

— В чем дело, товарищи? Лу Синчжао? Вы что тут устроили? Немедленно отпустите человека!

Мужчина закричал:

— Цзи Чэнь... командир Цзи, спасите! Тут военный убивает гражданского!

Хуай Линь отозвался:

— Я никакой не военный, я несовершеннолетний гражданин. Ты что, решил поиздеваться над ребенком? Говорю тебе, мне еще нет шестнадцати, уголовной ответственности я не несу, так что убью — и ничего мне за это не будет!

Даже в такой ситуации семнадцатилетний Хуай Линь продолжал мастерски врать на ходу.

Цзи Чэнь оказался в неловком положении:

— Послушай, парень, остынь. Убивать — это плохо, ты ведь еще так молод...

Хуай Линь другой рукой дернул мужчину за волосы:

— Я хочу, чтобы он вернул наши вещи и извинился перед моим братом. Неужели это так сложно?

Мужчина, почувствовав поддержку, воспрял духом и огрызнулся:

— Это вымогательство! Совсем невоспитанный, родители не учили уважать старших?

Хуай Линь помолчал, а потом тихо добавил:

— Да, меня никто не учил и никто не воспитывал, поэтому, даже если я тебя убью, им будет всё равно.

Лу Синчжао вздохнул:

— Хуай Линь.

Он произнес лишь его имя, но в этом звуке Хуай Линь нашел опору — его гнев сменился обидой и упрямством.

— ...Брат.

Брат, некоторые меня оскорбляли и грабили, но я всё вытерпел ради тебя, лишь бы ты мог спокойно пробудиться. Но если кто-то говорит о тебе гадости, если кто-то причиняет тебе боль... я этого не потерплю! Хм!

Цзи Чэнь продолжал уговаривать:

— Эх, товарищ Лу Синчжао, помогите вразумить вашего брата, а?

Его люди окружили площадку — они были хорошо обучены и знали, как освобождать заложников. Но тут они услышали, как Лу Синчжао тяжело вздохнул.

Он вытащил из ножен свой армейский нож.

Держа клинок горизонтально, он мягко произнес:

— Прошу прощения, но у меня есть два принципа. Первый: вне поля боя я не проливаю кровь. Тем более, что это всего лишь словесная перепалка, и если можно обойтись без насилия, я не стану его применять. Но так уж вышло, что второй мой принцип гласит: никто не смеет трогать Хуай Линя, если он сам того не хочет.

Сначала слова Лу Синчжао никто не принял всерьез. Цзи Чэнь не думал, что один человек сможет помешать его отряду. Однако уже через несколько минут он понял, что глубоко ошибался.

Лу Синчжао словно жульничал!

Солдаты привыкли к групповым боям или стандартным спаррингам, но против Лу Синчжао их тактика не работала. Троих-четверых, пытавшихся его остановить, он отбрасывал назад за пару приемов. Все вокруг сражались как обычные люди, и только Лу Синчжао, сжимая в руке нераскрытый нож, двигался так, словно сошел со страниц книг о мастерах боевых искусств. Как против такого воевать?

Зрелище было удручающим: Лу Синчжао походил на Чжао Юня, который в одиночку сдерживает целую армию, причем делал это играючи, с нескрываемой легкостью.

Цзи Чэнь, понаблюдав некоторое время, не удержался от восклицания:

— Вот это да! У него же кости как у мастера! Почему он не у меня в отряде?!

Он подал знак, и солдаты немного отступили. Раз кулаками Лу Синчжао не убедить, не стоит лезть на рожон.

Цзи Чэнь подумал: «Эти двое — неразрешимая задача! Хуай Линь учит других жизни ради Лу Синчжао, а Лу Синчжао, которому на всё наплевать, защищает Хуай Линя. С какой стороны ни подступись, ничего не выйдет...»

Тем временем в центре площадки Хуай Линь добился своего. Мужчина, увидев, как Лу Синчжао расправляется с его товарищами, окончательно растерял боевой дух и принялся умолять о пощаде:

— Вещь... я думал, это лапша, и убрал в палатку! В мою желтую палатку, я ее даже не трогал!

Хуай Линь ответил:

— Раньше надо было быть таким покладистым.

Он недовольно надул губы, даже не осознавая, как это выглядит, и холодно добавил:

— А извинения?

Мужчина, чувствуя острие клинка у подбородка, пролепетал:

— Извиняюсь, извиняюсь! Товарищ Лу, приношу свои извинения!

Хуай Линь хмыкнул:

— В наше время извинение звучит как «я приношу извинения»? Боже мой!

Мужчина поспешно добавил:

— Это всё я виноват, язык без костей, нес всякую чушь, я... я не человек, простите меня, товарищ Лу!

Лу Синчжао обернулся и посмотрел на Хуай Линя с нежностью и легким укором.

— О, молодец, — Хуай Линь подумал, что больше сказать нечего, и щелкнул пальцами — клинок с тихим звуком вернулся в наруч.

Освободившись, мужчина пополз прочь, но его ноги онемели от долгого стояния на коленях, поэтому выглядело это жалко.

Гнев Хуай Линя улетучился так же быстро, как и появился. Смутившись от того, что на него все смотрят, он подбежал к Лу Синчжао.

Мужчина, оставшись позади, покраснел от стыда и злости. Не в силах стерпеть унижение, он плюнул вслед Хуай Линю.

Но плевков не долетел до цели — его перехватил белый отблеск. Лу Синчжао, держа нож, холодно преградил ему путь.

— Товарищ... Лу, я не нарочно, правда! — мужчина вмиг сдулся.

Лу Синчжао ответил равнодушно:

— Ничего. Просто хочу предупредить: Хуай Линь человек разумный, а я — нет. Он цивилизованный, а я — дикарь.

Мужчина остолбенел. Хуай Линь — разумный и цивилизованный?

Он сглотнул:

— Э-э, что вы имеете в виду?

Лу Синчжао едва заметно дернул уголком рта, и эта улыбка была полна опасности. В следующее мгновение он вонзил нож прямо в мужчину!

— А-а-а-а! — закричал тот, но тут же понял, что нож прошил лишь воротник его куртки, не задев кожи.

Лу Синчжао с невозмутимым видом поднял руку и, используя нож как рычаг, приподнял мужчину в воздух.

Толпа ахнула. Какая же должна быть сила рук, чтобы на вытянутой руке держать стокилограммового мужика, подцепив его за воротник!

Честно говоря, Лу Синчжао пробовал такое впервые. Форма была прочной, поэтому он просто подтащил мужчину к ближайшему дереву и повесил его на ветку.

Все вокруг молчали.

Лу Синчжао не спеша ответил:

— Я имею в виду: никто не смеет трогать Хуай Линя, если он сам того не хочет.

Это был второй раз, когда он произнес эту фразу, и теперь все присутствующие поверили ему на все сто. Лу Синчжао резко вытащил нож, и сверкающая сталь ослепила всех.

Мужчина, болтающийся на дереве, не выдержал такого потрясения — он закричал и обмочился, вися на всеобщем обозрении.

Лу Синчжао же, поиграв ножом, спокойно убрал его в ножны и похлопал мужчину по щеке:

— Я ведь сказал, что вне поля боя не убиваю. В следующий раз учись внимательно слушать, что тебе говорят.

Маленький мальчик, стоявший неподалеку, смотрел на своего опекуна, висящего на дереве, и, не зная, что делать, едва не расплакался. Хуай Линь издали скорчил ему рожицу:

— Нечего было обижать моего брата! Теперь будешь висеть на дереве!

Мальчик окончательно разрыдался. Лу Синчжао, глядя на то, как его Хуай Сяогуай издевается над ребенком, лишь покачал головой. Он подошел и взъерошил волосы мальчишки:

— Выпустил пар?

Хуай Линь съежился, снова превращаясь в послушного ребенка:

— Хе-хе, брат, ты был таким крутым! Прямо как Сефирот протыкает Клауда, видел?

Лу Синчжао не понял последней фразы, но улыбнулся:

— Ладно, устроили переполох на чужой территории, дома я тебя еще воспитаю.

Хуай Линь не верил, что брат сможет его воспитать. Прошло столько дней, а воспитателем всегда был он сам... хе-хе.

Пока они отвлеклись, Цзи Чэнь смущенно подошел к ним:

— Эх, вы двое, слишком импульсивно вы поступили...

Лу Синчжао ответил серьезно:

— Мы не хотели вас подставлять. Поступайте согласно уставу.

Цзи Чэнь решил действовать официально:

— По правилам, раз гражданские еще не начали драку, а мы применили силу, нас должны отправить на гауптвахту...

Он надеялся, что Лу Синчжао поймет намек, но тот лишь еще серьезнее добавил:

— Товарищ Цзи Чэнь, я не состою в регулярных войсках, поэтому по закону вам нужно связаться с моим начальством, чтобы они приняли решение.

Цзи Чэнь:

— И... где ваше начальство?

Лу Синчжао:

— О, в городе Н. Сейчас связи нет, связаться невозможно. Как только появится — продолжим процедуру.

Цзи Чэнь: «...» Эх, братишка! Ты и правда мастерски заговариваешь зубы! Где я сейчас найду связь с городом Н? К тому моменту, как она появится, вы уже и след простынет!

Цзи Чэнь не ожидал, что у Лу Синчжао такой острый ум — с виду-то он казался честным и прямолинейным героем. Он не знал, что тот набрался хитрости от Хуай Линя, поэтому повернулся к мальчишке:

— Эх, товарищ Хуай, тебе правда нет шестнадцати?

Хуай Линь не моргнув глазом ответил:

— Да, товарищ командир Цзи, и что вы сделаете?

— Разве Лу Синчжао не твой опекун? Нужно уведомить его, — сказал Цзи Чэнь.

Хуай Линь:

— О, он в городе S. Сейчас связи нет...

— ... — Цзи Чэнь наконец не выдержал: — Так кто же ваш опекун, если он позволил вам вот так бродить по округе?

Хуай Линь улыбнулся:

— Мой крестный отец работает в управлении городским хозяйством в городе S. Он сейчас очень занят, поэтому приказал мне сопровождать брата в город H, одному ему ехать опасно.

Сопровождать? Цзи Чэнь посмотрел на хрупкого Хуай Линя, затем на грозного Лу Синчжао, и его лицо выразило всё, что он думает об этой лжи.

Чтобы ложь Хуай Линя не раскрылась, Лу Синчжао поспешно добавил:

— Внешность обманчива. Без Хуай Линя рядом... сопровождать меня правда опасно.

Цзи Чэнь: «...» Он понял: оба они — и старший, и младший — те еще хитрецы! А младший даже коварнее!

Вскоре Хуай Линь нашел в палатке коробку из-под лапши. Открыв ее, он увидел, что белый хомячок Хуай Эргуай исчез — в дне коробки была прогрызена дыра.

Хуай Линь очень расстроился. Лу Синчжао долго шарил по карманам, но конфеты кончились. В растерянности он погладил Хуай Линя по спине, пытаясь утешить.

Хуай Линь, не оборачиваясь, молча достал из кармана шоколадку и протянул брату. Лу Синчжао с облегчением развернул ее и поднес ко рту Хуай Линя:

— Не грусти, съешь конфетку.

Хуай Линь съел шоколад и внезапно спросил:

— Брат, те два принципа, что ты назвал, — это правда?

Лу Синчжао рассмеялся:

— Скажу честно: «вне поля боя не убиваю» — это приказ моего отца, тут ничего не поделаешь. А второй принцип я придумал на ходу — на войне все средства хороши.

Хуай Линь: «...»

Лу Синчжао, увидев, что ситуация накаляется, поспешил добавить:

— На самом деле у меня есть еще один принцип: «добро за добро». Ты спас мне жизнь дважды, так что я всегда на твоей стороне, готов выполнять любые приказы начальника.

Хуай Линь не знал, смеяться или плакать, и дернул его за рукав:

— Ладно, пошли скорее. А то вдруг товарищ Цзи Чэнь опомнится и отправит тебя на гауптвахту...

Они синхронно обернулись: Цзи Чэнь о чем-то серьезно беседовал с тем самым солдатом. Было ясно, что они осознали проблему: армия не сможет долго кормить в три раза больше людей, чем нужно, — ресурсы закончатся, и начнутся внутренние конфликты.

На самом деле Цзи Чэнь уже всё понял. Старые законы и моральные нормы больше не работали, и теперь всё зависело от него. Чтобы выжить, нужно было устанавливать новые правила.

И эти правила станут фундаментом для новой базы.

Хотя Хуай Сяогуай и раздобыл немало припасов, он потерял Хуай Эргуая. Очень расстроенный, он шел за Лу Синчжао, постоянно оглядываясь.

Лу Синчжао утешал его:

— Крысы — не редкость, потом поймаю тебе другую.

Хуай Линь взъерепенился:

— Это хомяк! Хомяк! Мой Эргуай не крыса!

Лу Синчжао кашлянул:

— Ладно, поймаем хомяка. Где они обычно водятся?

Хуай Линь:

— В Африке, в пустыне.

Лу Синчжао: «...»

Через десять секунд Лу Синчжао молча подхватил Хуай Линя и перевел тему:

— Пошли скорее, Ганьчжэ и остальные, наверное, уже заждались.

Ради безопасности они решили идти по крышам. На земле сейчас было слишком опасно — из-за любого угла или машины мог выскочить зомби.

На полпути Хуай Линь насторожился:

— Брат, ты слышишь музыку?

Лу Синчжао прислушался:

— Не похоже, чтобы это играли люди Цзи Чэня. Здесь, возможно, живут кто-то еще.

Хуай Линь хмыкнул, чувствуя, что мелодия кажется ему смутно знакомой, но не мог понять где ее слышал. Спустя мгновение ветер донес звуки скрипки отчетливее.

— Ну надо же, какое спокойствие, на скрипке играют, — заметил Хуай Линь. — А если зомби услышат и окружают их?

Лу Синчжао странно изменился в лице:

— Это уже не просто спокойствие, это...

Хуай Линь:

— ??

Лу Синчжао:

— Если я не ошибаюсь, это «Лунная ночь на источнике Цинь».

Хуай Линь, лежа у него на спине, прыснул со смеху, но тут же снова почувствовал, что музыка ему знакома. Где же?

Лу Синчжао, чей слух был острее, понял, что мелодия звучит неровно и фальшиво, словно новичок пилит дерево. В мире апокалипсиса, если бы скрипач самозабвенно играл, это было

бы благородно, но этот «скрип» звучал крайне странно.

Лу Синчжао улыбнулся:

— Как-нибудь, если найдем музыкальный магазин, я его ограблю. Может, прихватчу скрипку или гитару. Популярные песни я играть умею.

В этот момент Хуай Линь вдруг вскрикнул:

— Вспомнил! Популярная песня! «Маленькое яблоко»!!!

Он возбужденно хлопнул Лу Синчжао по спине:

— Это же «Маленькое яблоко»!

Лу Синчжао, ничего не понимая, осторожно напел:

— Ты мое маленькое, маленькое яблочко?

Хуай Линь, обхватив его за шею, поцеловал брата в ухо:

— Оно самое! Как бы я тебя ни любил, этого мало! Чмок-чмок!

<http://bllate.org/book/18707/1808021>